

Ольга КРАВЦОВА

г. Ставрополь

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО:

Первые шаги в большую поэзию

Сейчас, когда набирает силу XXI век, все свершившееся в веке XX переосмысливается заново. Личность, судьба и стихи Е. Евтушенко воспринимаются весьма противоречиво. Известны слова о Евгении Евтушенко Нобелевского лауреата по физике академика Ландау: «У него есть очень хорошие стихи, читает он их бесподобно, ну а гражданское мужество Евтушенко вызывает глубочайшее уважение... Мы все должны снять шляпу перед этим поэтом!» Вместе с тем в «Истории русской литературы» Ю. Минералова читаем: «Немногочисленные авторы, которые первоначально взялись за исполнение социального заказа на прославление новой власти и огульное очернение советского периода истории Отечества (Е. Евтушенко, Б. Окуджава, В. Астафьев и др.),

быстро вошли в творческий кризис и не создали произведений, сопоставимых по художественному уровню с прежним их творчеством». Исследователь творчества Н. Рубцова в своей работе пишет о Евтушенко так: «Вина «эстрадников» состояла в том, что в погоне за «злой днём» они потеряли вечное, непреходящее. Так, лучшие стихотворения Е. Евтушенко («Свадьбы», «Идут белые снеги...», «Заклинание» и др.) так и остались в «меньшинстве», – поэт стремился к масштабности (увы, только внешней), к эпохальному осмыслению истории (поэмы «Братская ГЭС», «Казанский университет») и более всего – к публицистичности, «бегущей за фактами действительности». Он поэт «моментальной фотографии» жизни. В этом «тайна» привлекательности его злободневных стихов,

согласных с его афоризмами, которые могут затрагивать сознание, останавливать внимание на том или ином факте. Но не более. Здесь нет глубины поэтического осмысления этих фактов, ибо поэт видит их сугубо авторским «оком». Но далеко не весь мир живет, мыслит и видит по-евтушенковски. В этом же и «тайна» недолговечности, даже информационной ценности его стихотворных лозунгов, призывов и лирических откровений». В поэзии Евтушенко «почти физически ощущается его лихорадочная торопливость – успеть сделать все как надо, – пишут П. Вайль и А. Генис. – Не завтра, не для завтра, а сейчас и для сейчас. Хрущев с поэтическим легкомыслием разрешал все проблемы посадками кукурузы, а за ним уже спешил Евтушенко:

*Весь мир – кукурузный початок,
похрустывающий на зубах!*

Оба они были соратники и соавторы – поэт-преобразователь Хрущев и поэт-глашатай Евтушенко». В подобной ситуации приходится согласиться с мнением составителя одного из последних сборников поэта Ю. Нехорошевым: «Как проникнуть вглубь его творчества, оценить и почувствовать беспредельность, широту, простор, всеохватность проблем, глобализм Земли, человечества, но и отдельного человека тоже – как творца, личности, патриота; наконец, уловить красоту, восхититься чудом». Также Нехорошев отмечает, что охватить всего Евтушенко во всех его ипостасях вряд ли кому удастся. И это главное, что восхищает и покоряет читателя, – НЕОБЪЯТНОСТЬ, ВСЕПЛАНЕТНОСТЬ уникально поэтического характера. Идея общечеловеческого братства воплотилась в необъятную социоантропологию поэтики.

Евгений Александрович Евтушенко родился 18 июля 1932 года в г. Нижнеудинске Иркутской области в семье геологов – Александра Рудольфовича Гангнуса и Зинаиды Ермолаевны Евтушенко. Интерес к поэтическому творчеству был не случайным: отец поэта всю свою жизнь писал стихи: «...И, кончив недобрую драму, / Насмешливо бросить в века / Последнюю эпиграмму / С подножия Машука...» (1932).

В 1933 г. семья переезжает в Москву в квартиру деда поэта – математика Рудольфа Вильгельмовича Гангнуса на улице Четвёртая Мещанская. В 1937–1939 гг. Женя Евтушенко сочиняет свои первые стихи: «Я проснулся рано-рано / и стал думать, кем мне / быть, / захотел я стать / пиратом, / грабить корабли» (1937); «Захворал воробушек, / воробушек-хворобушек. / Ранен был он гадкой, /

знать бы, чьей рогаткой. / Чистит перышки свои – / выпал камушек в крови» (1939); «Почему такая стужа? / Почему дышу с трудом? / Потому что тебя Лужа / стала толстым дядей / Льдом» (1939); «Бабушка, бабушка, / дай мне два оладушка. / Поскорее один съем, / чтоб исчез во мне совсем, / а другой я отнесу / белке рыженькой в лесу» (1939); «Ветер слезы мои вытер, / я и ветер – мы друзья. / И надена я не свитер – / только ветер на себя!» (1940) [6: Т. 1:42–47].

Первая книга Е. Евтушенко вышла в 1952 году, когда поэту было девятнадцать лет, и называлась она «Разведчики грядущего». Её появление вызвало несколько благосклонных откликов, хотя по существу она мало чем отличалась от аналогичных попыток поэтической молодёжи заявить о своём литературном существовании. Сам автор впоследствии много каялся за её наивность и «советскость». Критик Л. Аннинский по этому поводу замечает: «Зря каялся: главное-то уже в той книге нашупано сразу. Он действительно разведчик. Мальчишка-разведчик (недаром он задал Андрею Тарковскому портретный канон для будущего «Иванова детства»). Лазутчик в грядущее. В грядущем – потепление и заморозки, унижение державы, гром побед и немота банкротств, триумф и бессилие» [5:3]. Но в момент выхода сборника молодому поэту ещё было неизвестно, какие испытания пошлёт ему время. Книга свидетельствовала о благотворном влиянии Маяковского, и в самом раннем стихотворении «Пьяный порог», датированном 1948 годом, звучит обычная юношеская тема преодоления, упорства: «Ну, так что же, друзья, пора! / Пусть, вгрызаясь в гранитные лбы, / разъярённая Ангара / подымается на дыбы».

У Маяковского Евтушенко учится пониманию искусства, по нему же пытается строить и самый стих. Своему поэтическому учителю он посвящает цикл стихов «Наш Маяковский», в котором ощущается первый класс творческой учёбы: «Солнечность лет явится, сбудется, с нами поэт работает, трудится». Созданный в поэзии В. Маяковского образ нового человека становится для него одним из главных ориентиров в решении проблемы нового героя, во многом определяет главное направление в его художественном исследовании. Именно тогда в лирику Евтушенко особенно настойчиво проникает романтика самого трудного героизма будничной, массовой работы. Гигантский взрыв энергии народа, тот буквально сказочный процесс преобразования земли, происходивший тогда в стране, привлечет к себе пристальное внимание Евтушенко и других поэтов-шестидесятников. Романтическая окрыленность народа, охваченного «энтузиазмом первых пяти-

леток», найдет высокохудожественное воплощение. Отметим также, что их романтика разнообразна. Она может иметь сакральную окраску, сближаясь с тем умонастроением, которое близко к умилению, может обретать характер мистический либо социально-гражданский. Характер и направленность нравственных исканий поэзии конца 50-х – нач. 60-х гг. были в первую очередь обусловлены теми важнейшими явлениями и процессами, которые происходили в социально-политической жизни государства: дальнейшее развитие демократических основ. Активизацию романтических тенденций в отечественной литературе середины XX века можно справедливо связать с демократическими преобразованиями, демократизацией общества, которые произошли в этот период. Вместе с тем новый расцвет отечественной поэзии был бы невозможен, если бы она оказалась в изоляции от выработанных веками традиций отечественного и мирового искусства, если бы её не питали самые разнообразные источники, наряду с собственно реалистическими – романтические, наряду с традициями дооктябрьской и советской классики – художественный опыт народного творчества [1:20].

Образ мира, создаваемый Евтушенко, предстаёт в виде светлых, мажорных, но расплывчатых пятен, он лишён подробностей, вещности. Однако в этот период уже создаются тексты, свидетельствующие о способности достаточно глубоко проникать в заинтересовавшую проблему. В данном аспекте заслуживает внимания стихотворение «Футуристы», написанное в 1947 году, когда Е. Евтушенко было всего пятнадцать лет [6:Т.1:50]. В первую книгу это стихотворение не вошло, но оно даёт представление о ранних стихотворных опытах поэта:

*По улице московской
маячил Маяковский.
Каменский Василий
ввысь взмыл на авторучке.
Газеты взголосоили,
как бабы на толкучке.
Барыньки в обморок:
«Ах, ах, ах!
Облако,
облако,
облако в штанах!»
Плевком в лицо учёных
поэтических прилебал
верченный,
крученный
Крученных
правил в десять баллов бал.*

*Как гром,
сопливым от рожденья в непривычку,
пугая разнаряженных господ,
врывался в зал
разбойный клич: «Сарынь на кичку!»,
всех прошибая в пот.*

Несмотря на то что прямое влияние стилистики и интонации Маяковского представляется очевидным, стихотворение свидетельствует об одарённости начинающего поэта. Е. Евтушенко сумел удачно передать атмосферу, царившую среди «будетлян» и вокруг них.

Цикл стихов «Наш Маяковский» пронизан трепетным, благоговейным и в то же время своим отношением поэта к своему кумиру: «Ещё теряется песни след / В смешении стольких мелодий... / Владимира Маяковского нет, – / Есть Володя».

Название книги «Разведчики грядущего» имеет здесь двоякий смысл: фигуральный, т. е. речь идёт о людях, которые каждый свой шаг связывают и соизмеряют с мыслями о будущем, но вместе с тем и буквальный, ибо люди эти – геологи. Преодолевая все преграды и испытания, они ищут новые месторождения нефти, руды, угля, мечтают о будущих городах, которые возникнут там, где они сейчас прокладывают свой путь сквозь дебри и пустыни. Они горды сознанием огромного значения своего первопроходческого труда:

«... в новый маршрут / геологи / родины вызваны, / и та руда, / что они найдут, / будет служить коммунизму!»

Отметим, что тот романтический ореол вокруг профессии геолога и большихстроек, свойственный началу пятидесятых годов, был очень близок молодому автору, так как родился он в семье геологов; однако в его первых стихах сказывался недостаток и жизненного опыта, и наблюдений, знания условий работы геологов [4:3]. Их труд изображается поэтом преимущественно как бесконечные переезды и переходы: «Шагавшие нехоженым путём, мы у порога будущего встанем...», «Я уезжал не раз и не два – много и долго ездил...», «Перед нами леса легли, дальний путь перед нами лёг...», «... навстречу рассветным лучицам мы снова вперёд шли...», «Мы шли, нанося пометки на карту...» Изображения такого рода трудовых будней с небольшими вариациями повторяются достаточно часто, и помимо них наряду с удачными стихами в книге Евтушенко встречается немало стихов риторичных, декларативных, с надуманными и невыразительными образами. Однако романтика трудовых будней захватывала не только молодых, вступающих тогда в литературу авторов. Интересен в этом плане текст П. Антокольского:

«Вверху – гуденье мощных крыл, / Внизу, на пажах
привольных, – / Шаги столбов высоковольтных.
/ Так человек себя открыл! / Разведчик недр,
добытчик руд, / Любой из нас, встающих рано, /
Сам узнает с телеэкрана / Вчерашний, завтраш-
ний свой труд» [2:44].

В стихотворении «Здесь будет канал» поэт пишет о садах, которые должны возникнуть в пустыне: «Не будет пустыня солнцем сыта, / в этой сухой тоске / давно возникла / мечта о садах / миражём на голом песке. / Об этом / я столько / слышал / слов – / и столько ещё прочту, / как реки, / беря начало из снов, / впадали в людскую мечту!» Можно согласиться с Б. Соловьёвым, заметившим несогласованность образов: «Во-первых, неверно представлять себе дело завоевания природы так, будто оно берёт своё «начало из снов», а во-вторых, самый образ реки, взявшей начало «из снов», чтобы «впасть в мечту», поражает своей неестественностью» [13:3]. Соловьёв также отмечает: «Когда поэт говорит, что у него порой «в исканьях слова силы шли на убыль», то приходится согласиться с ним». Действительно, это происходило в тех случаях, когда у молодого поэта, может быть, не хватало реальных переживаний, наблюдений, знания жизни, вследствие чего слова становились мало-содержательными. «С 1949 года, с которого я начал печататься, я был как будто несколькими людьми, прожившими совершенно разные жизни. Будущий автор «Наследников Сталина» в ранней юности искренне писал стихи, воспевающие Сталина. Было ли это моим двурушничеством, хамелеонством? Нет, это было развитием личности. К счастью, мое личное развитие совпало с развитием исторических событий» [7:1]. Многое дало начинающему поэту тесное общение с Михаилом Лукониным, Евгением Винокуровым, Александром Межировым. «Он равнялся на них, вернувшихся с фронта, знающих толк не только в искусстве стиха, но прежде всего – в трудном ремесле жизни» [12:24]. Е. Сидоров в своей монографии приводит также отрывок из автобиографической статьи Евтушенко «Воспитание поэзией»: «На всю жизнь благодарен я недавно скончавшемуся поэту Андрею Достаю. Более трех лет он почти ежедневно занимался со мной в литконсультации издательства «Молодая гвардия». В 1949 году мне снова повезло, когда в газете «Советский спорт» я встретился с журналистом и поэтом Николаем Тарасовым. Он не только напечатал мои первые стихи, но и просиживал со мной долгие часы, терпеливо объясняя, какая строчка хорошая, какая плохая и почему. Его друзья:... литературный критик В. Барлас и журналист А. Филатов... – тоже многому научили меня в поэзии, давая почитать из сво-

их библиотек редкие сборники... Неоценимое влияние на меня оказала дружба с Владимиром Соколовым, который, кстати, помог мне поступить в Литературный институт, несмотря на отсутствие аттестата зрелости» [12:22].

В целом первая книга Евтушенко была отмечена критикой как неудача поэта. По мнению Калитина, ранним стихам Е. Евтушенко свойственна известная расплывчатость облика лирического героя, ибо здесь лишь намечалось становление, формирование личности, и тут, несомненно, сказались и литературные влияния и попытки рассказать от первого лица о виденном и слышанном от других. Но в любом, даже описательном стихотворении, если это не просто рифмованные строки, поэт или его герой должен присутствовать, и его внутренний мир, его чувства, оценки, настроения должны стать интересными, ценными для нас [8:165]. А. Т. Твардовский в своих «Письмах о литературе» отмечает: «Мука с ним в том, что он не знает истинных причин своего «успеха», на ощупь идет к серьезности и взрослости (но идет!), отягчен самообожанием, мало начитан даже в поэзии, небрежен к слову, не испытывает стыда от строчек и слов случайных, первых попавшихся и т. п. Но все же дай ему Бог понять кое-что и оставить позади свою, как говорится, затянувшуюся молодость» [14:246].

Необходимо отметить, что, начиная с середины пятидесятих годов, молодая литература обратилась к образам так называемых «простых» людей, которых в нашем обществе немало и на которых литература предыдущего десятилетия действительно очень редко обращала внимание, да и то в основном осуждающее [9:152]. В центре стихов, баллад и поэм оказываются преимущественно люди мирных профессий: садовники, строители, трактористы, шоферы и т. д. Этим людям с ограниченным кругом интересов, с бездуховной жизнью посвятили свои произведения такие сверстники Евтушенко, как Ю. Казаков и В. Аксёнов. Но если они часто любовались своими героями как личностями самоценными, полемически противопоставляли им личностям активным, героическим, воспетым, то Евтушенко проявил гораздо большую зрелость и гражданственность в отношении к таким людям. В 1957 году он заявляет: «Я жаден до людей, / и жаден всё лютей. / Я жаден до портных, / министров и уборщиц, / до слёз и смеха их, / величий и убожеств. / Как молодой судья, / свой приговор тая, / подслушиваю я, / подсматриваю я. / И жаль, что, как на грех, / никак нельзя успеть / подслушать сразу всех, / всех сразу подсмотреть!» Человек, его душевные переживания, характер, быт, судьба становятся для поэта доминантой творчества. Так в лирике Е. Евтушенко возникает социоантропологическая направ-

ленность. И. Фояков, говоря о неопытности молодых поэтов, призывал их именно к этой жадности: «Вот эта высокая жадность, как мне кажется, – ступень к обретению того опыта, о котором идёт речь. Опыта, который составляет основу подлинной, глубокой гражданственности в поэзии»[15:6]. «До звона в барабанных перепонках / я гулом, / стуком, / хрустом переполнен. / И ощущаю всё, что на земле, / и всё, что в мире, – / это всё во мне!» Это из его «Утренних стихов». Теперь, перечитывая всё написанное поэтом, мы убеждаемся, как много из заявленного им когда-то потом было реализовано. Уже с первых шагов в литературе он стал присматриваться к своим современникам, к их судьбам и характерам, к их заботам и радостям, наконец, просто к их быту. Несколько противоречивое стихотворение молодого Евтушенко «Вагон» (1952) уже содержит яркую бытовую картинку: «Стоял вагон, видавший виды, / где шлаком выложен откос. / До буферов травой обвитый, / он по колесам в насыпь врос. / Он домом стал. В нем люди жили. / Он долго был для них чужим. / Потом привыкли. Печь сложили, / чтоб в нем теплее было им. / Потом – обойные разводы. / Потом – герани на окне. / Потом расставили комоды. / Потом прикрепили к стене / открытки с видами прибороев. / Хотели сделать все, чтоб он / в геранях их и в их обоях / не вспоминал, что он – вагон». Однако в этом случае мы не можем согласиться с интерпретацией Е. Сидорова: «С молодой неприязнью перечисляются расхожие, плакатные приметы «мещанского» быта – герани, комоды, обои. В на редкость неуклюжей, почти непроизносимой строчке – «в геранях их и в их обоях» – сквозит нерассуждающее осуждение»[12:24]. Нам представляется, что о «неприязни» и «нерассуждающем осуждении» здесь нельзя говорить. Нам же важно подчеркнуть:

1) сам факт присутствия в стихотворении описания человеческого быта, «жилища», в данном конкретном случае «приюта», даже если он и выглядит «мещанским»;

2) поэт в этом стихотворении преследовал иную цель – подчеркнуть свойственное духу времени стремление движения вперед. Критик говорит об этом далее, но пресекает сказанное вопросом: «А что же люди, населяющие вагон, им-то каково? Ведь это же трудовой народ; «мещане» в вагонах, как известно, не жилали». Но замысел поэта, вероятно, был в том, что вагон здесь наделяется куда более живыми, человеческими качествами, чем проживающие в нем люди, что подтверждают строки: «Хотели сделать все, чтоб он / в геранях их и в их обоях / не вспоминал, что он – вагон». Здесь налицо антропоморфность созданного образа. Молодой поэт наделяет неодушевленный предмет

не только памятью, но и соответствующими «человеческими» переживаниями: «Но память к нам немолчалива, / и он не мог заснуть, когда / в огнях, свистках и клочьях дыма / летели / мимо / поезда...» И далее: «А были дни, когда сквозь чащи, / сквозь ветер, песни и огни / и он летел навстречу счастью, / шатая голосом плетни»[12:25]. «Романтическое противопоставление полета и неподвижности», так свойственное юному Евтушенко, здесь адресовано предмету неодушевленному, но чувствующему, переживающему, страдающему. И это для нас наиболее важно – переживание, страдание в мировоззрении Евтушенко выступает в качестве необходимого института становления, совершенствования человеческой личности.

В сравнительном аспекте интересно для нас стихотворение В. Берестова «Первая квартира», «согретое» непосредственным «присутствием» автора: «После дачного сезона / Дачу снять не мудрено. / Мы с тобой молодожены. / Нам бы столик да окно. / Словно добрый дух домашний, / Кормит нас и греет нас / Очень тихий, очень важный, / Деловитый керогаз. / Поезда, слепя лучами, / Грохоча за часом час, / Нас баюкают ночами, / На рассвете будят нас. / Паровоз в ночи просвищет, / И почудится сквозь сон, / Что у нас с тобой жилище – / Не жилище, а вагон. / В форточку влетает ветер. / В крышу глухо бьют дожди. / Все на свете, все на свете, / Все на свете впереди!»[3:8]. Вот здесь мы непосредственно слышим голос человека, стремящегося к счастью; в стихотворении блестяще реализована задумка автора, оно также соответствует духу времени.

Многие стихотворения Евтушенко о «простых тружениках» 1950-х годов сейчас могут показаться архаичными, но в рассматриваемый нами исторический период они были очень востребованы читателем, т. к. передавали реальные, переживаемые, настоящие чувства и события. В большинстве своём люди, попавшие в поле зрения молодого Евтушенко, ничем не привлекательны, кроме того, что они славные люди. Но это не пресловутые «винтики» – против такой философии утилитарной обезличенности человека как раз и направлены все его стихи о «незаметных тружениках» (категорично заявляет об этом также стихотворение Б. Слуцкого: «Не винтиками были мы. / Мы были электронами. / Как танки слушали приказ. / Но сами шли вперед. / Замощены / наши пути / раздавленными / тронами, / Но той щепы / никто из нас / на память / не берет»). Каждый из этих людей осознавал свою непосредственную роль в историческом процессе. И в каждом человеке Евтушенко угадывает огромный мир, не изведанный другими опыт жизни. Б. Рунин отмечал: стоит такому человеку хотя бы на мгнове-

ние появиться в стихе, как лирический герой Евтушенко разом добрее, становится тише, сдержаннее, проще. От его заносчивости не остаётся и следа. Такой размашистый и шумный наедине с самим собой, тут он сразу утрачивает всякую аффектацию и обнаруживает душевную деликатность, сердечную отзывчивость, даже жалость (вспомним формулу нравственности, рассматриваемую в первой главе нашего исследования, – стыд, жалость, благоговение). Вся его ценная наблюдательность становится необычайно сочувственной. Ведь слишком неустроенно человеческое общество, не каждому суждено и личное счастье. Куда бы ни забросила судьба героя Евтушенко – в село ли Большая Лепетиха на Днестре или в незнакомый город, в сибирскую тайгу или на берега Волги, – он всюду проявляет обострённую чуткость к этой «частной» стороне общественного бытия. «... И всюду / с разной судьбой / любил и служили, / и всюду жизнь была собой, / и всюду / люди жили». Отметим: эта талантливая формулировка поэта «любили и служили» наиболее емко и четко передает жизненную установку советского человека. Именно так, чтобы «жизнь была собой», и смотрел Евтушенко на окружающее. Люди интересуют его без всякой преднамеренности, в самых обыденных обстоятельствах, в самых скромных проявлениях их натуры. Каждый человек, каждый характер, каждая судьба приносит новую частицу и, подобно мозаике, складываются в единую картину понимания жизни. И потому он к ним так внимательно доверчив, так нежно участлив, или, наоборот: потому-то для него и раскрывается через них содержание жизни, что ему дорого и интересно в человеке всё [11:35]. Стремление людей к счастью Евтушенко ощущает как собственное, не дающее ему покоя чувство. Можно согласиться с Б. Руниним, полагавшим, что именно это качество поэтического характера сделало Евтушенко большим поэтом современности, вопреки бесчисленным личным противоречиям, «нервным чередованиям маленьких празднеств и бед», вопреки тому, что эмоциональная многослойность порой становится в его стихах засасывающе зыбкой. Простые и твёрдые устои народной жизни всегда обладали для него не только моральной, но и эстетической привлекательностью. Благодаря этому он научился находить прекрасное в обыденности и видеть чистоту там, где она скрыта от равнодушного взгляда грубой прозой бытия.

Стихотворение «Размышления над Клязьмой» кажется нам в этом смысле явлением этапным для поэта. После трудового дня, после стояния в очередях молодые девчонки пришли искупаться в речке. Привычный подмосковный пейзаж, обыч-

ные девичьи пересуды и гомон: «Но было столько в них свечения, / когда они спускались к ивам, / что я подумал: нет священнее / природной тяги быть счастливым». И далее: «А невдали в закате брезжущем, / острижены и грубоваты, / стараясь выгладеть небрежнее, / стояли юноши-солдаты». И тоже – ребята как ребята. Усталые после учений, они стояли поодаль, подбрасывая шуточки, курили себе «гвоздики» и, конечно же, хотели произвести впечатление. Они «картинно» стояли на берегу реки, освещённые закатным солнцем, и «то же самое свечение в них скрывалось под позой». Евтушенко пишет: «Для них всё было чистым – чистое / в своей красе наичестнейшей: / небо было чистым – чистое, / да и река наичестнейшей. / А я смотрел, смотрел, завидуя, / к себе же ощущая жалость, / и вера в истины забытые / во мне тихонько воскресалась». Вот это «свечение, скрытое под позой», и эту преданность простым истинам необходимо увидеть и в самом герое лирики Евтушенко [11:39]. Это то настоящее в нём, что позволило ему пробиться от неопределённых предчувствий ранних стихов к сложности и цельности истинно поэтического чувства в его лучших произведениях зрелого периода. Также нам представляется очень важным тот факт, что практически все тексты Евтушенко о человеческой судьбе сюжетны. Это сближает его творчество с фольклором.

В стихотворении «Окно выходит в белые деревья», посвященном Л. Мартынову, Евтушенко смог передать ту трагедию, которая произошла в жизни его героя, показав себя одновременно и большим художником, и большим знатоком человеческой души. «Окно выходит в белые деревья. / Профессор долго смотрит на деревья. / Он очень долго смотрит на деревья / и очень долго мел крошит в руке. / Ведь это просто – / правила деления! / А он забыл их – / правила деления! / Забыл – / подумать – / правила деления. / Ошибка! / Да! / Ошибка на доске!» Притихшие студенты прекрасно понимают, что такая ошибка невозможна, каждый из них осознаёт, что происходит сейчас нечто непоправимое: «Мы все сидим сегодня по-другому, / и слушаем, и смотрим по-другому, / да и нельзя сейчас не по-другому, / и нам подсказка в этом не нужна. / Ушла жена профессора из дому. / Не знаем мы, / куда ушла из дому, / не знаем, / отчего ушла из дому, / а знаем только, что ушла она».

Стихотворение строится на постоянных повторах, которые были так свойственны Л. Мартынову, но у Евтушенко они играют особую роль – они подчёркивают всю серьёзность происходящего. В одной из своих статей критик Л. Озеров написал об этом: «Автор посвятил эти стихи Леониду Мартынову, хотя для пишущего послание вовсе не обяза-

тельно переходить на стилиевые и стиховые позиции того, к кому это послание обращено» [10:97]. Конечно, с этим можно согласиться, но нам в данном случае этот приём кажется вполне уместным, т. к. подчеркивает глубину внутренних переживаний героя. Переживание человека для Евтушенко выходит на первый план. Проговаривая текст стихотворения, мы испытываем на себе речевую волю говорящего, но она реализуется благодаря ответному усилию читателя. Он активизирует (непроизвольно) переживаемые героем чувства, воссоздавая их в момент развертывания текста, т. е. порождает в своем воображении описываемую жизненную ситуацию. Евтушенко заставляет читателя переживать вместе с героем.

Растерявшийся человек спускается в гардероб, долго шарит по карманам и не может найти номер: «Ну что такое? / Где же этот номер? / А может быть, / не брал у вас я номер? / Куда он делся? – / трёт рукою лоб. – / Ах, вот он!.. / Что ж, / как видно, я старею, / Не спорьте, тётя Маша, / я старею. / И что уж тут поделаешь – / старею...» / Мы слышим – / дверь внизу скрипит за ним». Слова, которые произносит герой стихотворения, упоминание имени собеседницы делают его переживание обозначенным, конкретным. Что ждёт этого человека? Старость, бесприютность, одиночество. Евтушенко смог передать это, отчето общее впечатление от стихотворения усиливается еще больше: «Окно выходит в белые деревья, / в большие и красивые деревья, / но мы сейчас глядим не на деревья, / мы молча на профессора глядим. / Уходит он, / сутулый, неумелый, / какой-то беззащитно неумелый, / я бы сказал – / устало неумелый, / под снегом, / мягко падающим в тишь. / Уже и сам он, / как деревья, / белый, / да, / как деревья, / совершенно белый, / ещё немного – / и настолько белый, / что среди них / его не разглядишь». Обратим внимание – в описании человека у Евтушенко ведущую роль играет очень точный эпитет. «Сутулый», «неумелый», «беззащитно неумелый» – именно таким должен быть человек, переживающий подобную жизненную ситуацию.

Важно отметить, что зимний пейзаж здесь играет далеко не последнюю роль. Визуальность образа активизирует в сознании читателя мысль о неизбежности, непоправимости. Зима – это итог, конец в развивающемся тексте и в жизни героя. Слово «снег» упоминается на протяжении всего стихотворения только один раз: «под снегом, мягко падающим в тишь», но одним из смыслообразующих тропов выступает эпитет «белый», который не только передаёт цветовую окраску зимнего сквера, но и подчеркивает некоторые существенные черты героя Евтушенко, который в конце стихотворения «растворится» в собственных переживани-

ях, как в красивых белых деревьях. Напомним, что лексема «белый» в русской поэзии помимо своего цветового обозначения несёт в себе семантику ясности, прозрачности, чистоты, непорочности и безгрешности.

Значительное место в ранней лирике Евтушенко занимает стихотворение «Сапоги», посвящённое К. Ваншенкину. Здесь встречаются два характера, две несчастливые судьбы. Основным средством для раскрытия характеров является авторский монолог. Главный герой этого стихотворения едет в поезде. Поэт очень хорошо передаёт атмосферу, царящую в общем вагоне: «Был наш вагон похож на табор. / В нём были возгласы крепки. / Набивши сеном левый тамбур, / как боги, спали моряки. / Марусей кто-то бредил тихо. / Котёнок рыжий щипал хлебал. / Учили сумрачного типа, / чтоб никогда не мухлевал». В этих нескольких строках Евтушенко заявляет себя настоящим бытописателем, читатель без труда представляет себе картину, на фоне которой должны произойти главные события. Кроме того, созданная в стихотворении бытовая картина является не чем иным, как описанием социума, а в самом тексте появляется социально-психологическая модель «человек / социум». «Я был тогда не чужд рисовки / и стал известен тем кругам / благодаря своим высоким / американским сапогам. / То тот, / то этот брал под локоть, / прося продать, / но я опять / лишь разрешал по ним похлопать, / по их подошвам постучать». Лирический герой, не избалованный жизнью, очень доволен и сапогами, и тем вниманием, которое они вызывают. И вдруг совершенно случайно он замечает босого парнишку, своего ровесника: «И что с того, / что я обутий, / а он босой, – / ну что с того! – / но я старался почему-то / глядеть поменьше на него...» Возникает ситуация, в которой очень неловко чувствуют себя оба: и босой, и обутий. Первому неприятно видеть довольного собой и своими сапогами бахвала, второй прекрасно понимает, что этот парнишка продать сапоги не попросит, что ему и голодно и холодно, и что он обижен судьбой куда больше него. Во время пятиминутной стоянки, среди суматохи парнишка ворует сапоги у их хозяйина: «За вором я понёсся бурей. / Я был в могучем гневе прав. / Я прыгал с буфера на буфер, / штаны о что-то разорвав. / Я гнался, гнался что есть мочи. / Его к вагону я прижал. / Он сапоги мне отдал молча, / заплакал вдруг и побежал». Справедливость восторжествовала. Сапоги вернулись к своему владельцу. Но та ли это справедливость, которую хотят получить от жизни оба участника происшедшего? «И я / в каком-то потрясенье / глядел, глядел сквозь дождь косой, / как по земле сырой, / осенней / бежал он, / плачущий, / босой...» Вор в дан-

ном случае вызывает сочувствие и у читателя, и у обладателя сапог, который уже не рад им: «Потом внушительный, портфельный / вагона главный старожил / новосибирского портвейна / мне полстака на предложил. / Штаны мне девушки латали, / твердя, что это не беда, / а за окном / то вверх взлетали, / то вниз ныряли / провода...» Но для лирического героя всё это уже не нужно, его посещает мысль, которая поглощает его всего: не имеет права человек на радость, когда другому человеку плохо. В этой категоричной формуле, вполне «христианской», на наш взгляд, и кроется основная идея произведения.

Если в предыдущих стихах Евтушенко отстаивает право человека на счастье, семью, радостные переживания, то в стихотворении «Человека убили» речь идёт о самой человеческой жизни. Безвинная смерть возмущает его тем более, что происходит она в мирное время, среди обычных житейских хлопот и ежедневного труда. «Помню дальнюю балку, / мостик ветхий, гнилой, / и летящую бабу / на кобыле гнедой. / В сером облаке пыли, / некрасива, бледна, / «Человека убили!» – / прокричала она. / Я забыть не сумею, / куда живу, / как бежали за нею, / бросив косы в траву. / Он, печальный и странный, / лежал за бугром / с незаметной раной / под последним ребром». Человеческая жизнь неприкосновенна, заявляет в этом стихотворении Евтушенко, и то, что смерть наступила человека «случайно», для поэта особенно ужасно: «Был он кем-то безвинно / на распутье убит... / Помню тёмную глину, / слышу цокот копыт». Это событие оставляет глубокий след в душе лирического героя, однако конкретный трагический эпизод дает поэту повод для размышлений о вещах, как ему кажется, не менее важных, чем гибель от ножа: «Не однажды я видел, / как о том ни тужил, / незаметную гибель / человечьей души».

Тут уже поэт затрагивает тему, которая в дальнейшем его творчестве станет одной из ведущих. Жизнь меняет человека далеко не в лучшую сторону, и те взгляды и принципы, с которыми он вступает в жизнь, постепенно теряют для него своё значение. На их место приходят ханжество, подхалимство, приспособленчество, пресловутое «умение жить». Всё это причиняет страдания лирическому герою: «И в товарище старшем / среди суеты / мне угадывать страшно / неживые черты. / Видеть это не в силе, / стиснув зубы, молчу. / «Человека убили!» / Я вот-вот закричу». Как видим, для лирического героя Евтушенко духовная смерть живого человека так же страшна, как и физическая гибель.

Итак, мы можем отметить очень важный факт поэтического развития Евтушенко – сопереживание человеку, связь человека и социума как «части» и «це-

лого». Человек, его жизнь, внутреннее переживание, быт и характер, его свобода как личности становятся центральной темой его творчества, доминантой его поэтического мировоззрения. Ориентируясь в своих эстетических исканиях на уже созданный в поэзии Маяковским романтический образ «нового» человека, Евтушенко реализует свой индивидуальный взгляд на интересовавшую его проблему: высокий гуманизм, глубокую сопереживающую интонацию, восприятие человеческой жизни как наивысшей ценности, сопряженное со свойственной историческому моменту идеализацией молодости, внутренней созидающей энергии и больших человеческих свершений. Все эти составляющие поэтического характера Евтушенко срослись в единую художественную систему, центральным в которой является человек, его переживание (чувства, эмоциональный фон) и социум (социальная несправедливость, социальное зло). Через много лет поэт напишет: «Я человек, и этим я трагичен. / Я человек, и к смерти я привычен. / Не самое трагическое в ней. / На смерть самоубийцы уповают. / Но привыкать к тому, что убивают, – / избави Бог! Привычки нет страшней» («Пушкин в Белфасте», 1976).

В заключение мы приведем слова Б. Рунина: «Евтушенко с самого начала обладал теми качествами, которые поэт ничем не может восполнить, ни опытом, ни мастерством, ни стихотворной техникой – горячим чувством справедливости и доброты к людям. Это – свойство характера, формирующееся ещё в детстве. Чувство отзывчивой человечности и рождает тот талант гражданственности, о котором сам поэт скажет: «Гражданственность – талант нелёгкий», т. к. он сопряжён не только с «муками слова», но и с муками всех людей на земле по другим, более серьёзным поводам, на которые, к сожалению, не скупится жизнь»[11:45]. Однако советское литературоведение в своих отзывах никогда не упоминало и не могло упоминать, что это горячее чувство сопереживания, справедливости и доброты к людям имеет в своих нравственных основаниях прежде всего христианскую направленность, и этическая установка поэта-комсомольца идет в унисон с основными евангельскими заповедями: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй и т. д.

Пристальное внимание молодого, вступающего в литературу Е. Евтушенко к человеку (сущности, характер, быт, судьба) становится неотъемлемой составляющей поэтического творчества. Постоянно присутствуя в тексте, оно определяет его продуктивность в развитии социоантропологической доминанты лирики поэта. Страдание, переживание, чувство становятся фактором, объединяющим героев Евтушенко в единый образный пласт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов В. И. Поэзия правды и мечты: Нравственные искания в творчестве советских поэтов 60 – 70-х гг. – М.: Просвещение, 1982. – 112 с.
2. Антокольский П. Из новой поэмы // Юность. – 2005. – №6. – С.44
3. Берестов В. Первая квартира // Юность. – 2005. – №6. – С.8.
4. Власенко А. Жизненная правда и поэтическое мастерство // Литературная газета. – 1958. – 3 апреля. – С.3.
5. Евтушенко Е. А. Краденые яблоки: Стихи и поэмы. – М.: Панорама, 1999. – 508 с.
6. Евтушенко Е. А. Первое собрание сочинений в восьми томах. – М.: Х. Г. С., 1997. – (NEVA GROUP) Т.1: 1938 – 1958. – 1997. – 482 с.; Т.2: 1959 – 1964. – 1998. – 546 с.; Т. 4: 1971 – 1975 – 2002. – 623с.; Т. 5: 1976 – 1982. – 2002. – 557 с.
7. Евтушенко Е. А. Политика – привилегия всех. Книга публицистики. – М.: Изд – во АПН, 1990. – 624 с.
8. Калитин А. Творчество молодых // Октябрь. – 1955. – № 9. – С.165.
9. Никульков А. «Россия, ты меня учила...» // Сибирские огни. – 1971. – 10. – С.146 – 168.
10. Озеров Л. Краткий трактат о яблоке // Вопросы литературы. – 1968. – 2 – С.95 – 209.
11. Рунин Б. Уроки одной поэтической биографии // Вопросы литературы. – 1963. – 2. – С.17 – 45.
12. Сидоров Е. Ю. Евгений Евтушенко. Личность и творчество. – М.: Худож. лит., 1987. – 206 с.
13. Соловьев Б. «Разведчики грядущего»: критика и библиография // Комсомольская правда. – 1953. – 14 января. – С. 3.
14. Твардовский А. Т. Письма о литературе, 1930 – 1970. – М.: Сов. писатель, 1985. – 511с.
15. Фоянков И. «Добывайте, ребята, опыт» // Литературная газета, 1962. – 20 декабря. – С.6.

Ольга Владимировна КРАВЦОВА

родилась в Ставрополе.

В 2002 году окончила факультет филологии и журналистики

Ставропольского государственного университета.

Увлечлась поэзией шестидесятничества,

творчеством Е. А. Евтушенко.

Защитила диссертацию.

В настоящее время работает

в Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке

им. М. Ю. Лермонтова.

В журнале «Север» публикуется впервые.

